

© 2020. В. Ю. Троицкий
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Идея государства и мысль народная в поэзии А. Н. Майкова

В статье исследуется отражение и последовательное утверждение религиозно-патриотических идеалов русского народа в творчестве А. Н. Майкова. Анализируется взгляд поэта на русскую государственность как общенациональную ценность. Подчеркивается глубокий историзм, актуальность и непреходящее значение духовного наследия Майкова. Автор статьи доказывает, что образ русского государства, соприродный духовному образу православного народа, изначально предстал в поэзии Майкова, соотносился с органической способностью безусловной личной жертвенности во имя любви, во имя общих нужд и интересов, во имя России. Сформулированы воплощенные в отечественной словесности основополагающие принципы государствообразующих понятий семьи, Отечества, родины-матери, державности. Отдельное внимание в статье уделяется стихотворениям Майкова о государственных деятелях, (Александр Невский, Иван Грозный), их непростой жизни и судьбе, неотделимых от истории России.

Ключевые слова: А. Н. Майков, народность, государственность, монархизм, историзм, православие, духовное наследие

Информация об авторе: Троицкий Всеволод Юрьевич, доктор филологических наук, профессор, академик Российской народной академии наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: vsutroicky@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.09.20120

Дата публикации статьи: 08.12.2020

Для цитирования: Троицкий В. Ю. Идея государства и мысль народная в поэзии А. Н. Майкова // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 104–117. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-104-117>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Vsevolod Yu. Troitsky

A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The idea of the state and popular thought in the poetry of Apollon Maykov

The article examines the reflection and consistent confirmation of the religious and patriotic ideals of the Russian people in the work of Apollon Maykov. The poet's view of the Russian statehood as a national value is analysed. The deep historicism, topicality and enduring significance of Apollon Maykov's spiritual heritage are emphasised. The author of the article proves that the image of the Russian state, which was inherent in the spiritual image of the Orthodox people, was originally expected in Apollon Maykov's poetry, correlated with the organic ability of unconditional personal sacrifice in the name of love, in the name of common needs and interests, in the name of Russia. The fundamental principles of the state-forming concepts of family, fatherland, motherland, and statehood, embodied in Russian literature, are formulated. Special attention is paid to Apollon Maykov's poems about statesmen (Alexander Nevsky, Ivan the Terrible), their difficult life and fate, inseparable from the history of Russia.

Keywords: Apollon Maykov, nationality, statehood, monarchism, historicism, Orthodoxy, spiritual heritage.

Information about the author: Vsevolod Yu. Troitsky, DSc in Philology, Professor, A. M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: vsutroicky@mail.ru

Received: September 11, 2020

Published: December 8, 2020

For citation: Troitsky V. Yu. The idea of the state and popular thought in the poetry of Apollon Maykov // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 4, pp. 104–117. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-104-117>

Государство — исторически сложившееся общество, занимающее определенное пространство, имеющее установленные границы, социальное устройство и власть, обеспеченную организационными и силовыми структурами, осуществляющую внутреннюю и внешнюю защиту его целостности и самый общий порядок бытия населяющего его народа (народов).

На русской почве понятие о государстве соотносилось в древности с патриархальным понятием семьи: государство духовно мыслилось большой семьей; князь, царь — главой семьи, отцом («царь-батюшка»). Русская государственность исторически и традиционно содержала в основе нечто от идеи семьи, неизменно связанной с установленной свыше иерархией (ср.: «...Орёл царь над птицами, осётр царь над рыбами, а ты, княже, над переяславци»).

Во времена русского средневековья князя часто называли господин, господарь. Оспода по-древнерусски — семья, осподарь — начальник семьи. «Самое слово государство — господарство, — писал В. С. Соловьёв, — в первоначальном своем значении указывало на домовладыку, который, конечно, был полновластным хозяином родового общества. Даже там, где единовластия не было на деле, оно оставалось в олицетворяющем представлении о слове» [Соловьёв 7: 291]. Государственность строилась здесь не столько по принципу: господин — раб (на Руси не было рабства), сколько по отношению: отец — сыновья и домочадцы. Это нисколько не умаляло силы и авторитета руководящей власти.

Дух отношений власти и народа, начальствующих и подчиненных (прежде всего «стиль», а не внешние признаки) определяла идея «семейной иерархии». Это была традиционная духовная основа патриархальности, проявлявшаяся по-разному на разных этапах русской истории. Сокрытые временем родовые убеждения остро ощущались «в години бедствия или в минуты величайшего энтузиазма». Но главное в

другом: «Сила государства, — пишет С. Н. Трубецкой, — в его жизненных принципах, во внутреннем единстве духа, которое обуславливает его политический и культурный слой» [Трубецкой: 560].

А. Н. Майков был изначально проникнут таким духом. Его мысль исходила из исторически сложившегося органического единства русского человека и России, единства, вылившегося в образ Родины-матери, единства, опирающегося на традицию служения, защиты от внешних посягательств, как и у предшествующих Майкову русских поэтов (Ср. у К. Рылеева: «Кто русский по сердцу, тот бодро и смело / И радостно гибнет за правое дело!» [Рылеев]).

«Отличительная черта русской монархии, данная уже при ее рождении, заключается в том, что русская монархия выражает волю не сильнейшего, а волю всей нации, религиозно оформленную в православии и политически оформленную в Империи», — писал И. Л. Солоневич [Солоневич: 86].

А. Н. Майкову не нужно было воспитывать себя в таком духе: он возрос в нем как государственная личность. Глубоко ощущая национальную основу переживания мира, он воплотил общее для многих народов чувство родного в стихотворении «Емшан» (1874).

Это чувство в России связано с образом Родины-матери, с русским духом. Русский дух — характерный внутренний духовный настрой русского человека, сформировавшийся в ходе развития народа и возникающий в критические моменты, выражающий генетически закрепленные, хотя и обнаруживающие себя не всегда одинаково, черты национальной личности, духовную энергию, проявляющуюся в поведении и поступках в обыденной жизни и в экстремальных условиях. «Русский дух, — писал А. С. Хомяков, — создал самую русскую землю в бесконечном объеме, ибо это дело не плоти, а духа» [Хомяков: 515].

Качествами, соприродными русскому духу, являются остро переживаемые чувства совести, милосердия, готовность стоять за правду-истину, за родную землю, за веру; убежденность в победе справедливости. Этот дух возник на национально-исторической почве Православия, на почве русской культуры как готовность жертвовать всем за Отчину (Ср. у К. Рылеева: «не дрогнув, умру за царя и за Русь» [Рылеев]). В этом духе не было ограниченности «по крови». Немец Кюхельбекер, грузин Багратион, датчанин В. И. Даль и многие другие вполне были проникнуты «русским духом».

Тема родной страны возникала в творчестве поэта в связи со значительными явлениями и обстоятельствами. Личность поэта являлась органическим воплощением идеи государства, а он сам — словно частицей державной России. Поэтому и вся поэзия А. Н. Майкова проникнута чувством национально-государственного достоинства:

...много Русь боролась
Со злым врагом и клеветой...
Пора забыть наветы злые,
Пора и нам глаза открыть,
И перестать нам о России
С чужого голоса судить.
Пора! Завеса разорвалась!
В нас сердце русское сказалось... [Майков 1: 298–299].

Это было прозрение «в самосознании народном», частью которого был поворот, совершенный Петром Великим.

А мы за нашими царями,
Душою веруя Петру,
Как за искусными вождями
Пошли к величью и добру.
Они одни лишь угадали,
Какая мощь и разум спали
В богатыре страны родной...
(«Памяти Державина», 1853) [Майков 1: 299].

А. Н. Майков видит источник преобразования государства в государе, который «сложил с себя порфиру», «за Русь пошел страдать, учиться, / Кто восхотел переродиться, / Чтоб свой народ переродить». Отсюда — убежденность поэта в том, что основа государственной силы и благоденствия всей России — в самодержавии:

...Познай наш враг хитроугрозный!
С ее царем дороги розной
России ввек не может быть.

И далее:

Пускай Европа негодует,
 Пускай коварствует и лжет:
 Дух отрицанья, дух сомненья,
 Врагов бессильное шипенье
 Народный дух в нас не убьет! [Майков 1: 299–300]

Размышляя об основах патриотической сплоченности народа, А. Н. Майков указывал и на тех, кто смотрел на Россию, говоря его словами, «без исторических корней, видел русского мужика до освобождения, а не видел России в ее тысячелетнем существовании, словом, не знал истории... Описываются бедствия народа, но не сказано умышленно во имя чего он страдал и что утешало его в страдании, т. е. страдал во имя государства, каким дорожил по инстинкту, как средством своего сохранения, и утешался в религии...» [Письмо].

Монархические убеждения, проникнутые государственно-созидательным пафосом и единые с пафосом государственного могущества, поэт сохранил до конца жизни. В стихах, посвященных государям Александру II, Александру III и Николаю II с очевидностью высказались и народно-патриотические взгляды поэта.

Государственное могущество мыслилось поэтом не только как грозная сила, теснящая окружающих агрессоров, но как олицетворение и защита правды, как предвидение, —

Что из России ледяной
 Еще невиданное выйdet...
 Гигантов с ненасытной жаждой
 Бессмертья, славы и добра,
 Гигантов, как их мир однажды
 Зрел в грозном образе Петра [Майков 2: 20].

Та же мысль — в стихотворении «Что может миру дать Восток?», где о России сказано:

Она же верует, что несть
 Спасенья в пурпуре и злате,

А в тех немногих, в коих есть
Еще остаток благодати... [Майков 2: 185].

Молитва о будущем России («Завет старины») проникнута тою же мечтою:

Чтоб в сынах твоих свободных
Коренилось и росло
То, что в годы бед народных,
Осенив тебя, спасло,
Чтобы ты была готова, —
Сердце чисто, дух велик, —
Стать на судище Христово
Всем народом каждый миг;
Чтоб в вождях твоих сияя
Сил духовных полнотою,
Богоносица святая,
Мир вела ты за собой
В свет — к свободе бесконечной
Из-под рабства суеты, —
На исканье *правды вечной*
И душевной красоты» (курсив мой — В. Т.) [Майков 2: 203].

Заметим: желание добра, благодати, вечной правды и душевной красоты А. Н. Майков нераздельно связывает с пафосом государственности. Это соприродно православной идее стремления к идеальному государственному праву, проникнутому духом человеческой справедливости.

Между тем в раннем стихотворении «Карамзин» (1865) поэт дает трезвую оценку исторической смуты, противостоящей идеальным мечтам державных государственныхников:

... Но поколения были,
Что здесь как пришлецы чужие проходили.
...Кто набожно вздыхал по чуждом короле...
Кто грезил равенством и братством на земле,
И при воззвании «всемирная свобода»

Вселенский гражданин отрекся от народа!
...В России ж видели удобный матерьял,
В котором каждый мог кроить себе свободно
На всякий образец и что кому угодно –
Парламент с лордами или республик ряд,
Аркадских пастухов иль пахотных солдат.
Один из этого ушел водоворота.
Один почувствовал, что нет под ним оплота,
Что эти странные адепты тайных ложь,
Вся эта детская блистательная ложь,
Весь этот маскарад с своею пестротой,
Стоит как облако над русскою землею...

И далее — об этом «одном», о Карамзине:

То был великий муж... один он видел ясно,
Что силы Родины теряются напрасно,
Что лучшие умы, как бедные цветы,
Со стебля сбитые грозой, кружат в пустыне –
Чужие у себя, чужие на чужбине...
Но пусть свершаются над ними их судьбы!
Есть русской крепости незримые столбы,
Есть царства русского основы вековые...
Во всем величии судеб своих Россия
Ему являлася из сумрака времен...
Там исцеление! Там правда! — верил он,
<...>
И образ земского великого царя,
Пред коим все равны с вельможи до псаля,
И к коему от всех доступны челобитья;
*И образ целого народа, что пронес
Сквозь всяческих невзгод им созданное царство
И всем, всем жертвовал во имя государства,
Жива бо церковь в нем, а в ней Господь Христос...*
(курсив мой — В. Т.) [Майков 2: 214].

Так изначально предстоял в поэзии А. Н. Майкова образ русского государства, сопряженный с духовным образом православного народа с его особыми государствосозидающими свойствами. То есть с ее органической способностью безусловной личной жертвенности во имя любви, во имя общих нужд и интересов, во имя России.

Это свойство утверждалось на традициях, питаемых живыми источниками преданий, былин и песен, всем тем, что испокон века было в России почвой и средством воспитания государственности, а в нынешней действительности информационной войны — системно и безнаказанно изымается из средств массовой информации и особенно из образовательной сферы диверсионной работой СМИ и ряда официальных государственных учреждений, находящихся под контролем враждебных России идеологов, в том числе в образовании, где проведены псевдореформы, открыто противоречащие Доктрине информационной безопасности России.

Совершенно в духе государственно-патриотических традиций написано и стихотворение времен Крымской войны «О том, как отставной солдат Перфильев пошел во вторичную службу»:

...Не расстался б, понимаешь,
С вами просто не на миг —
Да нельзя: пора такая!
Руки надобны Царю!
Всякий будь на месте, зная
Каждый долг и честь свою. [Майков 2: 214].

Это семейно-государственное сознание долга зиждется на органическом чувстве России, без чего жизнь истинно русского человека теряет цену и отчуждается от основного смысла существования. Это сознание лежит и в основе отношения к ее вождям и государям.

Достаточно вспомнить стихотворения А. Н. Майкова «В Городце в 1263 году», «У гроба Грозного» и др.

Эти стихотворения повествуют о «соборных личностях», о личностях, слитых с историей Российского государства. Таковы названные исторические стихи. Воссозданные в первом из них предсмертные видения умирающего князя Александра Невского («В Городце в 1263 году», 1875), облеченные в форму мучительных воспоминаний-раз-

думий посмертные размышления царя Ивана IV («У гроба Грозного», 1887) обретают государственное российское содержание.

В этих стихах явственно представлена задача утверждения государственности в единой стране. Первое повествует о предсмертных видениях князя Александра Невского. В наглядной смене видений предстают перед князем картины прошлого: посольство к хану князя Михаила Черниговского, отказавшегося поклониться ханским истуканам и на месте убитого воинами тирана. Вспоминается горечь пережитого им самим унижительного смирения «не ради себя, / Многострадальный народ свой / лишь паче души возлюбя!...».

Дав согласие на уплату дани, князь вышел на путь спасения государства, защитив его от новых разорительных ханских набегов. Вслед за этим вынужденным горьким решением возникает эпизод сопротивления ханским баскакам непокорных новгородцев и памятное их усмирение:

Ломятся тьмами ордынцы на Русь
— я себя не щажу,
Я лишь один на плечах их держу!..
Бремя нести — так всем миром нести...
Верую в чаянье лучших времен!.. [Майков 2: 165].

Эпизоды исторического прошлого обнаруживают государственное понимание истории князем Александром, и как торжество такой providческой политики возникает перед его угасающим сознанием видение будущей Руси времен Петра Великого: «Берег Невы, где разил он врага...», многолюдный город, пребывающий корабль с мощами, колокольный звон, пение гимнов, речь царя и —

...все люди идут приложиться к мощам...
В гробе ж — князь видит — он сам... [Майков 2: 165].

В связи с продолжающимися спорами об исторической роли личности Ивана Грозного особенно современно звучит сегодня стихотворение «У гроба Грозного», словно написанное в ответ на взгляды прежних и современных хулителей — великого государственного деятеля Руси:

При гробе том
стоишь невольню ты с задумчивым челом...
Последнего суда,
Ты чуешь, что над ним судьба не изрела,
Что с гроба этого тяжелая опала
Еще не снята; что, быть может, никогда
На свете пламенной души не появлялось...
Она с алчбой добра весь век во зле терзалась...
[Майков 2: 165–166].

Эта «алчба добра» и была *идея державной государственности*, которую вполне осознавал великий государь Иван IV Грозный, старательно оклеветанный многими современниками, прежде всего — иностранцами, ощущавшими в политике царя противостояние своим тайным корыстным целям.

Нынешние исторические суждения и оценки подтверждают величие деяний Ивана Грозного. Во время написания стихотворения слова стихотворения звучали пророчески:

О если б он предстал теперь в загробной схиме,
И сам, как некогда, народу речь держал:
«Я царство создавал и создал и донныне, —
Сказал бы он, — оно стоит четвертый век...
Судите тут меня. В паденьях и гордыне
Ответ мой Господу: пред Ним я — человек,
Пред вами — царь!» [Майков 2: 166].

Обличительный монолог Грозного, разоблачающий потомков «развенчанных князей, которым резал глаз / Блеск царского венца, а старых прав обломки / Дороже были клятв и совести...» весь проникнут идеей государственности.

Монолог этот и ныне вызывает невольное сочувствие и сопереживание читателя, равно как и справедливые упреки, обращенные царем к сепаратистам, князьям-клятвопреступникам и изменникам державного строительства России:

Княгиня, мать моя, как умерла? Молчат
Княжата Шуйские... Где Бельский? Рать собирает?
Орудует в Крыму и хана подымает! [Майков 2: 166].

В этих строках отражено воистину трагическое противостояние великого русского царя Ивана Грозного противникам державной государственности. Напомним, что происходило тогда в России. Затаилась антигосударственная «ересь жидовствующих». В марте 1553 г. во время тяжелой болезни царя двоюродным братом его Владимиром Старицким замышлялся боярский государственный переворот. В том же году утонул в Шексне «случайно» уроненный нянькой царевич Дмитрий. Летом 1554 г. был сорван побег в Литву боярина князя С. Лобанова-Ростовского, намеревавшегося предаться польскому королю. Бежал в Литву приближенный царя князь Андрей Курбский. В августе 1560 г. была отравлена первая жена царя Анастасия Романовна. Была отравлена и мать царя великая княгиня Елена Глинская и его жена царица Мария Нагая. Царевич Иоанн также был жертвою отравителей: согласно исследованию в его организме дозы ртути превышали норму в 32 раза.

Покидая Москву в 1564 г., царь Иван IV, как известно, выехал в свою вотчину Александровскую слободу. Это был последний отчаянный шаг: смирить боярское противостояние, опираясь на силу, противостоящую сеющим смуту боярам, на посадских людей, купцов и мещан. «Люди» требовали возвращения царя, и церковная власть на это откликнулась. Царь вернулся. И вскоре была им учреждена «личная гвардия» — *опричина* — сила, противостоящая государственной крамоле, всему, мешавшему укреплению государственной державности.

Итоги царствования Ивана Грозного известны. Его трудами были расширены владения государства, заселено северное Черноморье, завоеваны Северный и центральный Урал, Западная Сибирь, Грозный «принял под свою власть» пожелавшие служить царю народы Северного Кавказа. При нем была создана система местного самоуправления, организована регулярная армия, привлечено к делу государства казачество, проведена судебная реформа, возникло на Руси книгопечатание, проведена государственная административная реформа. Указом запрещено употребление, кроме праздничных дней, алкогольных напитков. При нем были изданы Жития святых и Домострой, а также побеждена антигосударственная ересь жидовствующих, представля-

ющая смертельную опасность для независимой страны. Именно Иван Грозный закрепил основы государственности и державности России.

Поэзия А. Н. Майкова таким образом отразила важнейшую и актуальнейшую тему жизни народной: становление сознания державной государственности на Руси, которое утверждалось и в убеждениях последующих поколений.

Список литературы

- Майков А. Н. Полное собрание сочинений в 4 т. СПб.: Т-во А. Ф. Маркса, 1913.
Письмо А. Н. Майкова Б. Н. Алмазову (1867) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 г. Л.: Наука, 1977. С. 120–121.
Рылеев К. Ф. Сочинения. Л.: Худ. лит., 1987. 412 с.
Соловьёв В. С. Собрание сочинений в 9 т. СПб.: Обществ. польза, 1901–1907.
Солоневич И. Л. Народная монархия. Минск: Лучи Софии, 1998. 503 с.
Трубецкой С. Н. Сочинения. М.: Ин-т философии: Мысль, 1994. 815 с.
Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 1. М.: тип. П. Бахметева, 1861–1873.

References

- Maikov A. N. *Polnoe sobranie sochinenii v 4 t.* [Complete works in 4 vols.]. St. Petersburg, T-vo A. F. Marksa Publ., 1913. (In Russ.)
Pis'mo A. N. Maikova B. N. Almazovu (1867) [Letter from A.N. Maikov to B.N. Almazov (1867)]. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1975 g.* [Yearbook of the manuscript department of the Pushkin House for 1975]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 120–121. (In Russ.)
Ryleev K. F. *Sochineniia* [Essays] Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1987, 412 p. (In Russ.)
Solov'ev V. S. *Sobranie sochinenii v 9 t.* [Complete works in 9 vols.]. St. Petersburg, Obshchestvenaya pol'za Publ., 1901–1907. (In Russ.)
Solonevich I. L. *Narodnaia monarkhiia* [People's monarchy]. Minsk, Luchi Sofii Publ., 1998, 503 p. (In Russ.)
Trubetskoi S. N. *Sochineniia* [Essays]. Moscow, In-t filosofii, Mysl' Publ., 1994, 815 p. (In Russ.)
Khomiakov A. S. *Poln. sobr. soch. T. 1.* [Complete works. Vol. 1]. Moscow, tip. P. Bakhmeteva Publ., 1861–1873. (In Russ.)